

— Учитель, к вам пришли, — окликнула завуч Сюя какая-то ученица и указала за окно.

Рука, лежавшая на плече Шэн Вана, наконец убралась. Завуч Сюй кивнул человеку за окном и сказал:

— Собрание, да? Уже иду.

Он выпрямился и, указав на наушники, которые Шэн Ван так и не снял, добавил:

— Да, кстати. Сегодняшняя регистрация — это исключение. Но с завтрашнего дня телефоны, наушники, PSP и тому подобные вещи не должны появляться в классе. Если поймаю, ух...

Он дважды погрозил указательным пальцем, а затем с молниеносной скоростью нырнул рукой под парту парня, сидевшего впереди.

— Твою ж! — парень тут же подскочил. Он закрыл свой рюкзак с такой скоростью, будто дотронулся до оголенного провода.

— Думаешь, спрячешь, и поможет? Это уже второй раз, Гао Тяньян, — завуч Сюй поднял руку, помахав свежеконфискованным телефоном, и обратился к Шэн Вану: — Видел? Вот тебе наглядный антипример. Кстати, где староста по дисциплине?

Девочка с первой парты высунула голову:

— Здесь.

— За игры на телефоне — минус три балла за поведение, за ругань — минус один балл.

— Поняла.

Сорвав такой куш, завуч Сюй с чувством глубокого удовлетворения удалился вместе со своим трофеем.

Шэн Ван, ставший свидетелем этой сцены задержания вблизи, слегка опешил. Парень по имени Гао Тяньян смотрел на него, и его взгляд становился всё более жалобным и укоризненным. Спустя пару секунд Шэн Ван наконец сообразил, молча снял наушники и вместе с телефоном засунул их в рюкзак, чтобы лишний раз не нервировать человека.

Гао Тяньян продолжал на него смотреть.

Шэн Ван немного подумал и из вежливости попытался утешить:

— Прими мои соболезнования.

— Черт, — Гао Тяньян не выдержал и, то ли смеясь, то ли плача, потер лицо. — Да ладно, не в первый раз. Они всё равно периодически устраивают облавы на телефоны. Из присутствующих тут все хоть раз да попадались.

— А-а, — кивнул Шэн Ван, но затем с недоумением спросил: — Тогда чего ты на меня так уставился?

— Да просто любопытно.

— ?

— До твоего прихода мы как раз это обсуждали. Я даже загуглил твою бывшую школу. Что же тебя так в жизни подкосило в столь юном возрасте, раз ты на втором году старшей школы перевелся в Цзянсу?

Шэн Ван сухо усмехнулся:

— Это у моего отца спроси.

Гао Тяньян потер свой короткий ежик на голове, собираясь посплетничать еще, но внезапно прозвенел звонок. Развалившиеся на партах и болтающие о всякой ерунде одноклассники выпрямились; несколько человек, проспавших всю большую перемену, тоже подняли головы, размяли шеи и руки, после чего достали из парт стопки экзаменационных листов.

Когда все вернулись на свои места и перестали толпиться, присутствие Шэн Вана стало бросаться в глаза. А всё потому, что в этом классе абсолютно все сидели по-одно-му! И только его парта была сдвинута с другой, за которой спал сном мертвеца его сосед.

«Твою ж мать...».

Шэн Ван только что достал новые учебники, и теперь стоял с рюкзаком в руке: положить его было некуда, но и в руках держать глупо. В этой невероятно неловкой ситуации ему оставалось лишь повернуть голову и сердито уставиться на Цзян Тяня.

Этот сосед, подозреваемый в том, что он король пафоса, видимо, всю ночь промышлял воровством, раз даже звонка не услышал. Рука, на которую он опирался, закрывала большую часть лица, и в щелочку можно было разглядеть лишь линию челюсти. Белая футболка с круглым вырезом облегла сгорбленную спину, плавно вздымавшуюся и опускавшуюся в такт дыханию.

«С таким настроением он до конца уроков проспал, что ли?» — подумал Шэн Ван.

Сидящий впереди Гао Тяньян вдруг вспомнил о чем-то, обернулся и, быстро толкнув Цзян Тяня, вполголоса сказал:

— Эй, брат Тянь, просыпайся, началось самостоятельное занятие.

Он указал на Цзян Тяня и объяснил Шэн Вану:

— Он просил разбудить его к уроку, чтобы не проспать.

Шэн Ван вскинул брови, слегка удивившись. Он-то думал, что этот сосед по парте из тех, кто целыми днями спит, но при этом сдает все предметы на высший балл.

Гао Тяньян позвал его дважды, прежде чем Цзян Тянь наконец проснулся.

Он тихо хмыкнул, пальцы, лежавшие на затылке, слегка сжались, и между ними взъерошились короткие черные волосы. Большой палец надавил на сустав указательного, издав легкий щелчок, и лишь после этого он поднял голову. Выпрямившись, он потер лицо.

Было невооруженным глазом видно, с каким трудом далось ему пробуждение.

— Божечки, что ты делал прошлой ночью, раз такой сонный? — не удержавшись, спросил Гао Тяньян.

— Да так, одна фигня, — Цзян Тянь явно не хотел вдаваться в подробности. На его лице читалась лишь сонливость вперемешку с раздражением. Он выудил из парты бутылку минералки; ледяная испарина на бутылке немного подтаяла под его пальцами. Он открутил крышку, сделал глоток и боковым зрением наконец заметил Шэн Вана.

Нахмурившись, он повернул голову. Возможно, из-за того, что он только что выпил ледяной воды, его голос и тон прозвучали очень холодно:

— Ты кто такой? Чего тут уселся?

«Ишь, чего несет».

Шэн Ван и так уже невзлюбил его за фамилию Цзян по принципу коллективной ответственности, а этот тон и вовсе отбил последние остатки хорошего впечатления. В нем разыгрались замашки молодого господина: он указал подбородком на новые учебники на столе и заявил:

— Я новенький. Уселся тут, и что с того?

Перепалка двух красавчиков, видимо, была зрелищем притягательным, потому что ученики с нескольких передних парт разом обернулись.

Гао Тяньян, почуяв неладное, первым бросился сглаживать углы:

— Не-не, ты просто спал и не в курсе. Это учитель его сюда посадил.

— Какой учитель? — спросил Цзян Тянь.

— Да кто ж еще, Большеротый, конечно, — ответил Гао Тяньян. — Он же вечно любит пересаживать всех как попало. В прошлый раз одним словом отправил мою парту к кафедре, а на следующий день сам же и забыл. Еще и спрашивал, чего это я не сижу со всеми нормально, а лезу на кафедру толкаться с учителями. Я тогда чуть со стыда не сгорел.

Шэн Ван как раз с холодным лицом сверлил взглядом Цзян Тяня. Услышав это, он повернулся и уставился на Гао Тяньяна. На его лице крупным шрифтом читался немой укор: «Почему ты не сказал этого, когда мартышка с огромным ртом была здесь?».

Сбоку внезапно раздался грохот отодвигаемой мебели. Шэн Ван обернулся на звук и увидел, что Цзян Тянь уже поднялся, взял стул и оттащил свою парту немного назад.

— Ты чего творишь? — недоуменно спросил Гао Тяньян.

— Меняю место, — Цзян Тянь, даже не глядя, мотнул головой в сторону Шэн Вана и бросил: — Он пониже ростом, пусть сидит здесь, а я сяду сзади.

— Кто тут пониже?! — возмутился Шэн Ван.

Цзян Тянь уже уселся на новое место. Вытащив из парты толстую стопку экзаменационных листов, он бросил их на стол, откинулся на спинку стула и поднял глаза на Шэн Вана:

— Хочешь сказать, ты выше меня?

— ...

После этого впечатление Шэн Вана об этом человеке было окончательно испорчено, без надежды на восстановление.

Он немного сдвинул свою парту влево, выравнивая по ряду, и запихнул рюкзак внутрь. Не успел он сесть, как Гао Тяньян постучал кончиком ручки по его столу, обернулся и забормотал вполголоса:

— Эй, братан.

— М-м? — когда юный господин Шэн был не в духе, его недовольство носило точечный характер, он не срывался на посторонних.

Гао Тяньян прикрыл рот рукой и еще тише проговорил:

— Ты не бери в голову, он обычно не такой. Видимо, за последние пару дней что-то случилось, вот он и не в настроении.

Из вежливости Шэн Ван выдавил из себя «о-о», но про себя подумал: «А мне какое дело?».

Его сейчас гораздо больше волновали остальные ученики в классе, нежели сидящий позади ледяной бог чумы.

Потому что, если присмотреться, на всем классе только у него на столе лежали учебники. У всех остальных — стопки экзаменационных листов. К тому же, звонок прозвенел уже давным-давно, а ни один учитель так и не появился.

«Что не так с этой школой?».

Он окинул взглядом класс, и, не успев озвучить свои сомнения, Гао Тяньян, словно заботливая мамочка, заговорил первым:

— Сегодня суббота, к тому же время дополнительных занятий, так что весь день — самоподготовка. А ты... не принес с собой тесты?

Шэн Ван раздраженно напомнил:

— Я только сегодня пришел.

— А, тогда по чему ты собрался повторять? — Гао Тяньян ткнул пальцем в новенькие учебники.

— По книгам, что ли?

— Повторять? — переспросил Шэн Ван. — Ты сказал «повторять»?

— Ну да.

У Шэн Вана вдруг возникло дурное предчувствие. Он сухо спросил:

— А зачем нужно повторять?

— Да потому что завтра экзамен, — ответил Гао Тяньян.

Шэн Ван:

— ???

— Завтра что?

— Экзамен.

Шэн Ван посмотрел на него так, будто тот бредил:

— По какому материалу? За первый год старшей школы?

— Это было на прошлом итоговом экзамене. С чего бы сейчас сдавать материал первого года?

— Гао Тяньян указал на учебники, которые Шэн Ван только что получил. — Вот по этому.

— ...

«А ну-ка, повтори».

Возможно, его остолбеневший вид был чересчур милым, потому что Гао Тяньян расхохотался так, что повалился на парту.

Шэн Ван ткнул пальцем в учебники и ровным, лишенным эмоций голосом произнес:

— Завуч Сюй сказал мне, что это ваши новые учебники на этот семестр.

— В теории — да, — кивнул Гао Тяньян. — Но мы-то их уже прошли. Сегодня же восьмое августа, так? Летние каникулы у нас начались десятого июля, продлились ровно десять дней, а потом мы вышли на учебу и пару дней назад всё закончили.

— По каким предметам?

— Ну, математику, физику и химию мы точно уже прошли. По родному языку темп чуть-чуть медленнее, а английский мы изначально не по учебникам учим.

Шэн Вану стало трудно дышать:

— То есть завтра мне предстоит сдавать пять предметов по материалу, который я вообще не учил?

— Ага.

— А можно отпроситься?

— Думаю, нет, — Гао Тяньян с напускной умудренностью жизнью добавил: — Друг мой, путь предстоит долгий и трудный. Держись там. А как выпустимся, найдем кого-нибудь, чтобы поколотить Большеротого Сюя, — и дело с концом.

Этот факт оказался настолько шокирующим, что до самого конца дня ученик Шэн Ван пребывал в состоянии легкого душевного опьянения. А если короче — был в полном ауте.

Только когда ему на телефон позвонил водитель, дядюшка Чэнь, он наконец осознал, что самоподготовка закончилась. Почти все из класса уже разошлись. Гао Тяньян перед уходом, кажется, с ним попрощался, а этот невыносимый тип сзади и вовсе бесследно исчез.

На полпути домой ему позвонил отец, Шэн Миньян. Родной отец есть родной отец: по одному лишь «угу» он понял, что что-то не так.

— Что стряслось? Возникли проблемы? — спросил Шэн Миньян.

Шэн Ван прислонился головой к стеклу автомобиля, лениво расплывшись на заднем сиденье, и отрешенно пробормотал:

— Будь добр, удовлетвори одну мою просьбу.

— Какую?

— Я хочу отчислиться.

— ...

Шэн Миньян опешил, а потом не удержался от смеха:

— Ой-ой, это точно мой сын говорит?

С самого детства Шэн Ван по характеру напоминал павлина, распускающего хвост. Только будучи совсем малышом, он мог закатить истерику и кричать «не буду!», но как подросток, от него такого больше не слышали. Услышав этот тон столь неожиданно, Шэн Миньян даже немного расчувствовался, и его голос заметно смягчился:

— Ну-ка, расскажи папе, что тебя так выбило из колеи?

Шэн Ван хмыкнул и уже собирался выплеснуть всё накопившееся негодование, как вдруг услышал рядом с Шэн Миньяном какой-то неразборчивый звук. Это был тихий женский голос, задавший вопрос, а голос Шэн Миньяна внезапно стал приглушенным — судя по всему, он прикрыл динамик рукой и ответил ей.

Шэн Ван замер, и весь его запал мгновенно улетучился.

— Да так, ничего особенного. Я отключаюсь, — он скривил губы, хотя постарался, чтобы голос звучал бодро.

— А, ну ладно. Ты уже где? — спросил Шэн Миньян.

Шэн Ван вытянул шею, выглянув в окно. Машина как раз проезжала по улице Цинъян. Вдалеке виднелся поворот на ответвление дороги, а если проехать еще немного, начинался переулок Байма. У входа в переулок стояли несколько тележек с уличной едой. Там что-то варилось и парилось, и вдоль стен у входа клубился легкий дымок.

В переулке Байма находился их старый родовой дом. Шэн Ван прожил там до пяти лет, а потом они переехали. До восьми лет он иногда навещался туда с мамой, но после того как в восемь лет мама умерла, он больше там не бывал.

Здесь всё сильно изменилось, да и детские воспоминания были не слишком отчетливыми. Однако при виде этого дымка в нем вдруг проснулась легкая ностальгия.

Когда Сяо Чэнь завел машину во двор, Шэн Миньян уже ждал их.

Небо стало серо-сизым и потемнело; в некоторых домах уже зажегся свет. Шэн Ван понуро вылез из машины и услышал, как отец ласково назвал его детским прозвищем:

— Ван-цзай, это тетушка Цзян. А это сын тетушки Цзян, Цзян Тянь. Он чуть старше тебя,

называй его старшим братом.

Цзян кто???

Шэн Ван оторопел и резко вскинул голову.

<http://bllate.org/book/17874/1707973>